

ТАРАСЪ.

Бѣлорусская поэма*).

Ти знау зъ васъ, брацы, хто Тараса,
Што у палясоушцахъ ёнъ быу?
На путявищи ли Парнаса
Ёнъ тамъ ли лазни близка жиу.
Што-жъ, чалавѣкъ ёнъ быу рахманый,
Гарѣлки у зубы ёнъ ня брау,
За то у ласцы быу у пана:
Панъ яго дужа шановау;
Любила то-жъ Тараса пания,
И войтъ ня разу ня взбряхнуу,
За то Тарасть балота зрання
До цѣльной ночи пильнавау.
Чуть золакъ—ёнъ стрѣльбу за плечи,
Заткнець сякиру за поясъ,
Заусягды хадзіу ёпъ боръ стеречи,
И птушекъ биу зъ ружжа Тарасть.
Та доуга ёнъ хадзіу, ти мала,
Алигки нѣшта адінъ разъ
Бяда у бару яго спыткала,
Вотъ якъ казау намъ самъ Тарасть:
«На самаго Кузьму Демьянна
Пашоу я у лѣсь, панижа мхоу.
Устау я нѣшта дужа рана,
Здаецца съ первыхъ пятухоу.
Иду сабѣ я панямногу,

*) Эта поэма принадлежитъ перу неизвѣстнаго бѣлорусскаго поэта Юнкерста. Говоръ Ватебской губ.

Али на пень троху присѣу,
Ажъ тутъ: «тялѣпъ, тиленъ», чиразъ
дарогу,—
Здаётся тятярюкъ злят'ю.
Злажиуся; ажъ-ны: кляпсы!... — Ня палицъ
Карамзель. Зъ другага—ня пякецъ!
Гляжу—ажъ—ны зъ за ели валицъ,
Якъ ёсь харомана, мядзвѣдъ!...
Хоть ня трусливый я дзятина,
Али затресся, якъ асина,
Зубами якъ тютъка, ляпачу;
Гляжу,—ажъ зломана лясина;
Уздумау: дай-ка ускачу!
Скакнуу, ня трапшу, паскаузнууся,—
И шрама мазгауней лячу...
Лят'ю ти доуга я, ти мала,
Гэта ни якъ ня утамлю,
Аль ужо ладна разсвѣтала,
Якъ я звалиуся на зямлю.
Устау зъ зямли, абкалачнууся,—
Бо бы у балотѣ, якъ свиня,—
И дужа, дужа здиванууся,
Гдѣ-бѣ гэта апынууся я?
Рукой паскробши кала вуха,
Дастау съ табакай рагавенъ,
И храпы наихау тяртухай,—
Бо ня уживау я цѣльный дзень.
Якъ прасвяцѣли май вочи,
Мядзвѣдзя ужо ня увидау...
Закишуу я ружжо за плечи,
Гляжу,—ня вѣрю самъ сабѣ:

Авохъ ти мнѣ, якъ тутъ пригожа!
Ну, бытцымъ хто намулювау;
Чарвона—красна, бытцымъ рожа,
Ну, быть въ раю я тамъ стаяу!
И итушки есь тутъ. Дужа стройна
Пяють, палѣпши салауя.
Авохъ ти мнѣ, авойя!
Куды пашауся гэта я?!..
Стаяу я доуга да дивиуся,
Разинуу ляпку и глядзѣу,
Авось откулитька зъявиуся,
Ти то пришоу, ти приляйтѣу.
Хлопчинка нѣкій круглалицый,
Увесь курчавый, быть баранъ,
А защличъ у яго вялизныи
Ти то быць лукъ, ти то каучанъ.
«Аткуль? куды дарога гэта?»
Спытау у хлопчинки тотъ часъ.
— «Дарога гэта зъ того свѣта,
Идзець прамъ на гару Парнасъ».
Сказауши хлопчикъ того часу
На крылляхъ шпарка палятѣу;
Дарогу паказать къ Парнасу
Ня мѣу енъ часу, ти ня хатѣу. +
Памыслиу я тогды нѣмнога,
Што за шатанъ такій Парнасъ;
Пашоу я прама тый дарогай,
Узяуши у руки добрый кій.
Прашу дарогай верстъ я зъ десять,—
Ажъ вижу—тамъ гары стаць;
Падъ тый гарой народу многа,

Якъ быдзь кирмашь якій кишаць!
Пришоу я ближи—што за лиха?—
Народъ ня прастый, усе паны,—
Хто дужа шибка, хто патиху,
Уси бягучь, якъ бараны.
Быць жиды у школѣ гатасуюць,
Гатоу одинъ другога зъѣсць,
Адинъ другога усе штурхаюць,
Штобъ на гару скорѣй узѣсць.
Уси книги съ собой таскаюць,
Ажъ потъ ручкомъ зъ иныхъ площиць;
Другъ другу кишкы вытискаюць—
Ажъ ны ня можно глядзѣть.
Якъ здавиу мнѣ панъ падвзухи,——
Лактемъ уперши мнѣ у животъ;
И закричау я, сабрауши духи,
На весь парнаскій тый народъ:
«Памалу, брацы, ня давитя
Маей хвилятывай пчалы,
Мяне самога вы пуститя
И ня дяржатя за палы.
А то, да душу, я васъ абраю
У всѣхъ газетахъ на весь свѣтъ,
Якъ Гогаля у прошламъ вѣку,—
Вѣдзь я редактаромъ газетъ!»
Гляжу сабѣ на таго пана,
Ажъ-ны енъ тоустый, якъ чурбанъ,
Плюгавый, дужа на пригожый,
Кричиць, якъ оглашонный попъ,
Нясець вялизныи панъ гэтый,
Пауный—паунехонькимъ набитъ;

Усе тамъ книги да газеты,
Ну, быць каробачникъ, якъ жидъ.
Таваришъ попличъ зъ нимъ идзецъ,
Нясци книги пасабляеца.
А самъ граматику пясецъ,
Што у свинцарыи обучающъ.
Вотъ нѣшта разамъ зашумѣли,
Народъ раздауся на канцы,
И быць якъ птушки праляцѣли
Чатыри бравыхъ маладцы.
Народъ усё тамъ ня такоускій:—
Самъ Пушкинъ, Лермантау, Жукоускій
И Гогаль. Шыбка кала нась
Уси палѣзли на Парнасъ.
Прамежъ людей я усё штурхауся,
Усё лѣзъ, да лѣзъ,—таки прабрауся
И на гару къ багамъ папауся.
Глядзѣу, глядзѣу и давувауся:
Вонъ хата новая стаицъ,—
Кажися, гэта пашскій дворъ;
Кругомъ яго тамъ тынъ стаицъ,—
Ня бось, ня плоха улѣзать воръ.
А на дварѣ тымъ свинци ходзюцъ,
Собаки, воуцы, бараны;
Знать и баги хозяйства водзюцъ,
Кали свинцей дяржаць яны.
На гроши тутъ у тронки йграюцъ
Парнасски хлонцы й дзютюки;
А хто съ сабой грошай ня маецъ,
Тогъ прама лупицъ у шляка.
Вашоу къ багамъ тагды я у хату,—

Авохъ ти мнѣ! Ня даць, ня узять,
Ну, быць у казармахъ тутъ салдаты,
Багоу ня можно сапитать.
Глядзѣу я доуга да дивиуся,
Чимъ забавляющца баги:
Хто пішку куроць, хто смяеца,
Хто шіець сабѣ хадаки,
А багини у карытахъ
Багамъ рубашки и партки,
Бялизну мыюць и смяюща.
Глядзѣу на Марсавы штавы.
Сатурна, лыки размашишп,
Завесу лапци тутъ пляцець,
На свѣту ладнаго хадзіуши,
Лапцей ёнъ многа папарвець. —
Няптунъ на лауцы чишиць сѣти.
И вости садзиць на шасты;
А зъ имъ паплечъ и яго дзѣци
Дыравы лапюць нараты.
Тутъ Марсъ гулявъ зъ Геркулесомъ,
А Геркулесь, якъ быць мядзвѣдь,
Штобъ утѣшиць самаго Зывеса,
Хаходъ ёнъ Марсу къ лауцы гнечъ.
А самъ Зывесъ ляжиць на печи,
Надъ галаву армякъ падклау;
Ёнъ грѣу на печи стары плечи,
И нѣшта у барэдѣ шукау.
Бальное люстра тутъ стаиць,
Предъ нимъ мажаць сваи касы
И нѣчимъ морду сваю бѣлиць
Вянера, мусечъ для красы.

Амуръ же зъ дзѣуками жартуиць,
Ажъ-ны ня можна и глядзѣць;
То знетяльки енъ поцалуиць,
То хустку съ галавы сарвець,
То у гармонику зайдраиць,
То вокомъ ёпъ аднымъ маргнець,
То ёпъ жаласна затяниць,
То шибка пѣсню заплець.
Зявесь на печи схамянууся,
И затряслась уся гара.
Зяунуу и дужа натянууся
И кажиць: «Есь ужо пора!»
Тагды баги саусяго неба
Пачали къ сталу зализаць;
Пригожа Геба тагды хлѣба
Усимъ начала наризаць;
Яна стряпухой узята Зевсомъ,
Штобъ єсь вариць и плаття мыць;
На бось, ня легкимъ живець хлѣбомъ,
Ти шутка столькихъ накармиць!
Усимъ багамъ падъ нось хлѣба —
Яна наклада на сталѣ,
Тагды начала насиць Геба
Патравы смашны на листѣ:
Сперша дала яна капусту,
Тагды са шкварками кулешъ,
На малацѣ крупеню густу,
Даець у волю—толька Ѣшь!
И зъ пастаялкой жиръ студеный,
И зъ каши сала ажъ тякець,
Да и гусятины пряженый

Багамъ было—ажъ пя паѣсць.
Якъ узнясла на столъ калбасы,
Блины аусяны въ ряшатѣ,
Ажъ патякло па барадѣ
И забурчало у живатѣ.
Гарэлку пить баги начали;
Зъ бутылекъ чарку, знай, што льюцъ.
Падниуши пѣсни закричали,
Ну, быцъ у радни яны плюцъ.
Аданъ богъ запѣу припѣуки,
Што ажъ ня можна гаварицъ:
Ажъ устрашились уси дѣуки,
Якъ стау ёнъ рѣчи развадзицъ.
Али баги таки устали,
Якъ панили усё, пажрати...
И разамъ у дуду зайдграли,
Скакаць баги уси начали.
Узяуши хустачку, Вянера
Пашла мятелицу писать;
Правожа дужа, чиразъ мѣру,
Ня можна перкомъ написацъ:
Чарвона, тоуста, круглалица,
А вочи, быцъ на каляеѣ;
Якъ жаръ гарацицъ ея спадница,
Устушка длинна у касѣ.
Няптуа съ пригожанькай Наядай
Пуствуял, старый хрѣнъ, у плясь,—
Якъ жашахъ пиредъ пявѣстой,
Закинуу руки за паясь.
И самъ Зивесь такъ нахлыбауся,
Што замлю посомъ чутъ ня рыу;

Ёнъ вокомъ жмуриу да кивауся,
И быть што нѣшта гаваршу.
Хлѣбнуу Амуръ гарэлки чарку,
Яще болѣ павясялѣу:
Играць начау енъ на сворѣлку
И пѣсню стройную запѣу.
И Марсъ у новыхъ сабѣ ботахъ,—
Ёнъ мусицъ ботау ня жалѣу.
Бо зъ дѣлками скакау да поту, —
Играу у жмурки и шалѣу.
Усякій богъ такъ разгуляуся,
Што ажъ ня можна удѣржаць,
А хто пабольше нахлибауся,
Таго падъ лаукой клали спаць.
Якъ зайдрау дударь плясуху—
Тагды и я ня утварѣу,
И саусяго, што ня есь, духу
Скацаць па хатѣ палятѣу:
То я притопну, то прихлопну.
То пайду шибка у круги,
То разамъ языкомъ прицеукну,—
Ажъ рты разинули баги.
Глядзѣу Юпитеръ, давувауся,
И падъ дуду у ладошки биу,
Али ка мнѣ енъ приштурхауся
И во якъ енъ мяне спрасну:
«А ты откулитька, пріятель?
Зачимъ пряшоу ты па Парнасъ?
Ты хто такей, ти ня писатель?»
— А не, паночикъ, я Тарасъ,
Палясоушакъ съ путявица.

Чуть золакъ—я пашоу зъ двара
И на Парнасъ усе хадзіушы,
Мнѣ й ёсь ужо дауно пары.
Чи ня была-бъ, паночикъ, ласка,
Мяне дамойки атвясти.—
Мигнуу Зявесъ—и магомъ Геба
Крупени миску налила
И добраго краюху хлѣба,
Сказаushi: «Ёшь», мнѣ падала.
Крупеней я пасилувауся,
Усихъ падаякувау багоу,
Кашель за плечи завизаushi,
Сабрауся я ужо дамоу.
Авось... Захвирі падхватили,
Хто за руку, хто за паясь,
И быць, якъ птушки патащили
Яны мяне чиразъ Парнасъ...
Нясли на крылляхъ, быць якъ вѣтеръ,
И прама принясли у нашъ лѣсъ.
Гляжу на неба—мусиць вечеръ,
И маладзикъ на неба узлѣзъ».
Съ тыхъ поръ Тарасъ ужъ ня хадзіу
Такъ дужа часта на барамъ,
А чиразъ тое ня шкадиу
Бервення красцы енъ варамъ.
Такъ во што видзѣу нашъ Тарасъ,
Къ багамъ узлѣзши на Парнасъ.
Енъ мнѣ усе гэта разсказау,
А я у паперку записау. 57

